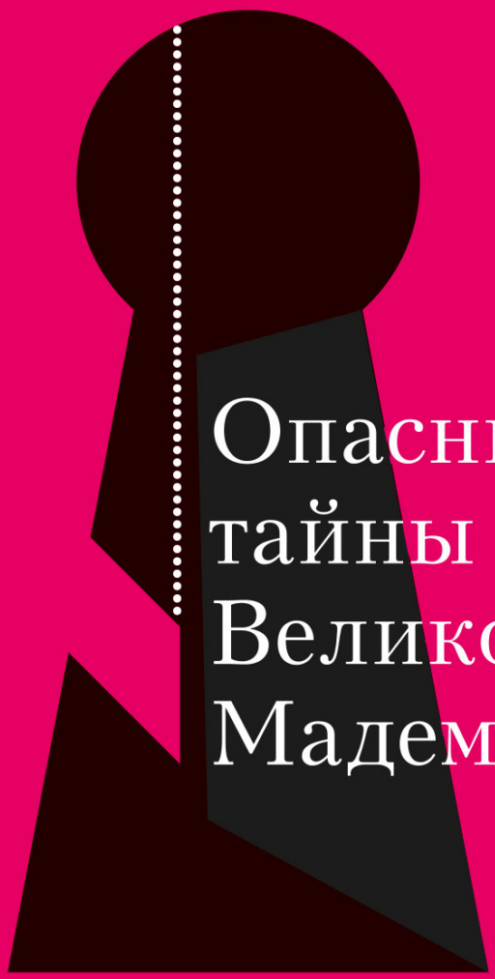
РОКОВАЯ ШАНЕЛЬ



Опасные тайны Великой Мадемуазель

НАТАЛЬЯ ПАВЛИЩЕВА

Наталья Павлищева

Роковая Шанель. Опасные тайны Великой Мадемуазель

«Яуза»
2021

УДК 687:929
ББК 37.24-2г

Павлищева Н. П.

Роковая Шанель. Опасные тайны Великой Мадемуазель /
Н. П. Павлищева — «Яуза», 2021

ISBN 978-5-04-116785-1

Великая КОКО ШАНЕЛЬ прославилась не только как гений моды и «икона стиля», но и как одна из самых «роковых» и загадочных женщин XX века. Что за опасные тайны она хранила всю свою жизнь? Какие «скелеты в шкафу» обнаружились после ее ухода? Почему ее сравнивают с легендарной соблазнительницей и шпионкой Матой Хари? Правда ли, что Шанель работала на гитлеровскую разведку как агент «Westminster», личный номер F-7124, и по заданию фюрера вела секретные переговоры с Черчиллем о сепаратном мире (операция «Модная шляпка»)? Сколько сердец разбила Великая Мадемуазель, какие мужчины сходили по ней с ума, кого она осчастливила, а кого погубила?.. Эта сенсационная книга впервые проливает свет на самые тайные и запретные страницы биографии РОКОВОЙ ШАНЕЛЬ. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 687:929
ББК 37.24-2г

ISBN 978-5-04-116785-1

© Павлищева Н. П., 2021
© Яуза, 2021

Содержание

Скелеты в шкафу… Тайное всегда интереснее явного 6
Почему Бой не женился на Коко. Как родословная может помешать любви 13
«Русский след» в судьбе Коко Шанель. Куда ж Парижу без русских… 22
Роман с Игорем Стравинским – было или не было? Любовь за содержание или содержание за любовь 29
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Наталья Павлищева
Роковая Шанель. Опасные тайны Великой Мадемуазель

© Павлищева Н.П., 2021
© Издательство «Эксмо», 2021
© Издательство «Яуза», 2021

Скелеты в шкафу… Тайное всегда интереснее явного

Сейчас самая расхожая тема о Коко Шанель не ее диктат в моде и не знаменитые духи «Шанель № 5». В биографии законодательницы моды раскопали ТА-А-АКОЕ…

Во время войны великая Мадемуазель состояла в любовной связи с нацистом бароном Гансом фон Динклаге (Шпатцем – Воробышком)!

Шанель была ни много ни мало нацистской шпионкой, как агент абвера имела свой номер F-7124 и код Westminster!

Встречалась с Вальтером Шелленбергом и даже выполняла его секретное задание – пыталась наладить связь с премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем, для чего ездила в Мадрид. Операция называлась «Модная шляпка». Закончилась, правда, ничем, но это все из-за происков МИ-6 – британской разведки.

Всякие там модные штучки вроде «маленького черного платья», духов «Шанель № 5», знаменитого стиля Шанель, коротких стрижек, брючных костюмов, сумочек на ремнях… забыты, это ничто по сравнению с возможностью скандально разоблачить!

Когда читаешь об операции «Модная шляпка», проводимой агентом Westminster, то есть Коко Шанель, возникает ощущение бреда либо нарочно подстроенной свалки фактов. А ведь это основное обвинение против Мадемуазель, потому что просто спать со Шпатцем, каким бы тот агентом ни был, полбеды, а вот участвовать в секретной (о, ужас!) операции немецкой разведки (кошмар!), неважно, в чем бы та ни заключалась и к каким результатам ни привела – вот это преступление!

Нет, не так, а вот как: ПРЕСТУПЛЕНИЕ!!!

Ату ее!

Коллаборационистка!

Спала с нацистским Воробышком (какая разница, что именно его принадлежность к немецкой разведке никто не подтвердил?)!

В 1943 году ездила в Берлин!

Встречалась с Вальтером Шелленбергом в его личном кабинете (и снова бездоказательно, но это неважно)!

Как агент абвера получила личный номер F-7124 и кликуху Westminster!

По заданию Шелленберга ездила в Мадрид на встречу с Сэмюэлем Хором и передавала письмо для Черчилля (в письме ни слова о каком-то задании, только просьба помочь подруге – Вере Ломбарди, оказавшейся в сложной ситуации, но это наверняка все в конспиративных целях, хитрая западня для Черчилля, начнет помогать Вере, а там глядишь, и Германии поможет…)!

И как после ТАКИХ обвинений удалось избежать Нюрнбергского суда, уму непостижимо, наверняка Черчилль выручил. Наивные следователи союзников проглядели акулищу, можно сказать кита, причем голубого (не в смысле чего-то этакого, просто голубой самый большой из китов), немецкой разведки! Почитать модную нынче книгу Хэла Вогана «В постели с врагом…», так весь отдел СД под предводительством Шелленберга только на Шанель и работал (правда, называют его почему-то абвером, что в 1943 году было не одно и то же)!

А какой только чепухи не приходится слышать о взаимоотношениях Шанель и Шелленберга! Роман! Любовь с первого взгляда сразу и навсегда (а чего же ради она шефа СД после войны и его выхода из тюрьмы до самой смерти содержала? Наверняка в знак благодарности за романтическое приключение!).

И неважно, что Шанель было шестьдесят, в этом возрасте Мадемуазель хоть и оставалась женщиной горячей, но все же была весьма пожилой. А Вальтеру Шелленбергу всего тридцать

три, жена Ирен красавица, на десять лет моложе него, дел по горло, и последняя схватка с Канарисом не на жизнь, а на смерть. Хотя любовь, конечно, преград не знает…

Неужели все неправда и Шанель была белой и пушистой? Отнюдь…

Вообще-то Коко Шанель сама виновата, что ей предъявили столько обвинений, но не тем, что во время войны и впрямь жила в отеле «Ритц», занятом немцами, или спала с Динклаге и наделала еще кучу глупостей, а потому что слишком многое пыталась скрыть в своей жизни. Если человек лжет, значит, ему есть зачем лгать.

Недомолвки порождают подозрения, подозрения – слухи и сплетни, которые легко разрастаются до вселенских размеров. И если после долгих лет обмана рассказать правду, не сразу поверят. Или не поверят совсем.

И все же у великой Мадемуазель имелось немало скелетов в шкафу…

Когда в 1947 году для заключения нового договора по поводу производства знаменитых духов «Шанель № 5» понадобилось свидетельство о рождении Габриэль Шанель, она, не желая показывать, насколько старше своего делового партнера Пьера Вертхаймера, раздобыла фальшивый документ, согласно которому… помолодела на десять лет!

В этом вся Шанель – не уступать ни в чем и врать без зазрения совести, если есть необходимость, а иногда и без оной. Коко Шанель сознавалась, что она профессиональная лгунья. К счастью, эта ложь касалась только ее самой. Ну, еще выдуманных родственников, которые никогда не существовали. Биографы немало помучились, пытаясь отделить зерна от плевел и выудить что-то из рассказов Мадемуазель, потому что иначе выходило пресное перечисление не менее пресных фактов.

Так что же такое пыталась скрыть от читателей Коко Шанель, отсутствие чего делало описание ее яркой, беспокойной жизни совершенно бесцветным?

Итак, скелеты в шкафу великой Мадемуазель…

Не факт, что они здесь все (кто знает, какие еще открытия могут произойти в биографии Коко Шанель), но хотя бы некоторые.

«Надо как можно меньше говорить о себе. Пусть люди пытаются разгадать вас. Наша душа скрыта ото всех, и только через наши уста она изъясняет себя: вот почему это у нас самое уязвимое место».

Эти слова Коко Шанель сказала своей подруге Клод Делэ.

Поступала она сама так, как советовала? Отнюдь. Шанель очень много рассказывала о себе, но то, что рассказывала, не только не помогало разгадать ее душу или понять биографию, но и запутывало окончательно. При всей разговорчивости и безапелляционности суждений великой Мадемуазель трудно найти человека более скрытного и таинственного.

Сколько у человека может быть документально подтвержденных дат рождения? Обычно одна, бывают две, если что-то перепутали в цифрах.

У Шанель нашлось три.

Первая настоящая – 19 августа 1883 года, зафиксированная в записи по месту рождения в Сомюре. И две выдуманных.

В архивах парижской полиции есть толстенное досье на Мадемуазель, заведенное задолго до войны, в 20-х годах, из-за ее частых поездок в Англию (как видите, тогда Шанель считали английской шпионкой). В этом досье датой рождения значится 21 августа 1886 года. Видимо, этот год не раз называла и даже где-то документально представляла сама Шанель, потому что и близкая подруга Коко Мизия Серт была уверена именно в нем.

И третья дата в свидетельстве о рождении, предоставленном Мадемуазель в 1947 году при заключении повторной сделки с братьями Вертхаймерами по поводу производства духов «Шанель № 5», там она моложе самой себя на десять лет!

Шанель совершенно не смущали такие мелочи, как искажение возраста, она и в рассказах о себе биографам с легкостью «пропускала» десяток лет, которые ей не слишком нравились. Почему? А это следующая тайна Мадемуазель.

Сколько у человека имен? Одно, даже если состоит из длинного перечня.

У Шанель их тоже несколько, первое дали при рождении – Габриэль, второе родилось как прозвище, но стало неотъемлемым настолько, что перекочевало в часть документов и в логотип ее фирмы – Коко. Третьим – Мадемуазель – ее были обязаны называть все сотрудники фирмы, причем в этом ни малейшего намека на семейное положение, скорее попытка обойти легкомысленное «Коко». А еще она добавляла себе Боннер – «счастье» – которое якобы дала ей при крещении монахиня в расчете на будущую счастливую судьбу крестной.

Второе появилось именно в те нелюбимые Мадемуазель десять лет.

Шанель старалась не вспоминать о своих родителях, коротко упоминая, что мать умерла, когда дочери было всего шесть лет, а отец… он уехал в Америку и обретается где-то там… Воспитывали ее якобы богатые и очень строгие тетушки, главным требованием которых была чистота.

Правда здесь только про чистоту.

Габриэль Шанель родилась 19 августа 1983 года у Альберта Шанеля и Жанны Деволь в сомюрской… богадельне. Жанна Деволь привычно находилась в дороге, пытаясь угнаться за своим постоянно ускользающим, как бы мы сейчас сказали, гражданским мужем. Альберт, несмотря на рождение уже второго ребенка, связывать себя узами брака не спешил. Роды прихватили Жанну в дороге, пришлось отправляться в ближайшую богадельню, где и появилась на свет ее уже вторая дочь. Записывали малышку в мэрии и крестили совершенно чужие люди, а потому даже ее фамилия оказалась написана с ошибкой, которую позже пришлось исправлять – Шаснель.

Менее талантливой от этого Габриэль Шанель не стала. А вот чужое любопытство к своему детству пресекала на корню.

Шалопай Альберт, казалось, остепенился на следующий год – он женился-таки на Жанне, которая снова была беременна, и признал двух старших девочек – Джулию и Габриэль – своими дочерьми. То есть официально отца Габриэль получила на втором году жизни.

Но оформленный брак ненадолго образумил Шанеля, он продолжил мотаться со своей повозкой по Оверни, торговать вином на ярмарках и делать долги. А еще детей. За Габриэль последовали Альфонс, Антуанетта, Люсьен и Огюстен, умерший младенцем.

Жанна Деволь, все же ставшая Жанной Шанель, прожила недолго, она страдала астмой, потом, видно, подхватила чахотку и умерла в тридцать три года в феврале 1895 года. Габриэль шел двенадцатый год (а не седьмой). Отца привычно не было дома… Девать пятерых детей Альберту Шанелю оказалось некуда, у родственников места не нашлось, и их разделили. Девочек отправили в монастырский приют в Обазине, что в пятнадцати километрах от Брива, организованный монахинями Конгрегации Сестер Непорочного Сердца Марии. Мальчиков – десятилетнего Альфонсо и шестилетнего Люсьена – отдали на воспитание в крестьянские семьи.

У Альберта Шанеля было восемнадцать братьев и сестер (самая младшая Адриенна старше Габриэль всего на два года, она стала ее подругой на всю жизнь), многочисленные родственники остались и у умершей Жанны Деволь, но ни у кого не нашлось местечка для осиротевших детей, их не разобрали даже поодиночке. За девочками захлопнулись приютские двери.

Сиротство… При живом отце и множестве родственников они были сиротами. Это черное слово навсегда отравило для Коко Шанель воспоминания о детстве. Мадемуазель ненавидела мультфильмы Уолта Диснея именно потому, что в них счастливый мир детства, которого у нее и ее сестер и братьев просто не было.

Чтобы не говорить правду об отце, выдумала его отъезд в Америку, которая тогда казалась раем земным. Но отец не вернулся не только из воображаемой Америки, он ни разу не навестил дочерей вообще, хотя жил, вопреки россказням Габриэль, неподалеку.

А вот про чистоту правда, запах чистоты очень любил беспокойный Альберт, безукоризненной чистоты добивались и монахини в приюте. Строгими тетушками из россказней Шанель в действительности были отнюдь не богатые монахини Конгрегации Сестер Непорочного Сердца Марии.

В те годы бедность и сиротство считались пороками, их стеснялись и старались скрыть. Неудивительно, что, став достаточно состоятельной и влиятельной, Шанель сумела просто уничтожить записи о своем и сестринском пребывании в приюте. Деньги позволили сделать это, в архиве приюта документы из досье Шанель «утрачены» практически все.

Могла ли она простить родственникам такое детство? Не могла и не простила.

У сестер судьбы сложились несчастливо. Джулия родила ребенка без мужа и умерла, оставив сынишку сиротой. Этого племянника Андре Паласса Габриэль забрала при первой же возможности, опекала и содержала всю жизнь, даже вытаскивала из концлагеря ценой собственного знакомства с нацистами, его дочь Габриэль (Тини) была любимой внучатой племянницей Шанель и получила основное наследство своей богатой бабушки.

И младшая из сестер Антуанетта получила от Габриэль большое приданое, когда собралась замуж. К сожалению, это замужество оказалось неудачным, а сменив канадского мужа на латиноамериканского любовника, Антуанетта и вовсе погибла в Южной Америке то ли во время эпидемии «испанки», то ли покончив с собой.

До самого начала оккупации Франции нацистами Габриэль содержала братьев, покупая им дома, машины, высылая деньги. Но их жены деньги брали, а к самой Шанель относились с презрением, как к даме полусвета, а потому своих девочек не доверили. Может, в этом и был резон, но Мадемуазель такого не простила, и наследства или содержания внучатые племянницы не получили.

Остальные родственники были забыты, вычеркнуты из памяти вовсе! Многочисленные тетушки и дядюшки, все, кроме Адриенны, перестали существовать для нее навсегда. Они ответили тем же – никаких воспоминаний о дочери Альберта и Жанны, ни слова даже для любопытных биографов и журналистов. Это понятно, ведь тогда пришлось бы признать, что пятерым детям не нашлось куска хлеба и местечка даже в уголке, их просто выкинули из семьи. Конечно, пылать любовью к такой семье Шанель не могла. И к детству тоже.

Чего только не выдумывала Шанель о своем детстве! Мол, ее взяли к себе две богатые старые девы – кузины покойной матери… Почему при этом остальные дети оставались в приюте, не упоминалось. Описать тетушек? Нет, она даже не помнила их лиц… тетушки Габриэль никогда не интересовали… Они были строгими, нудными и очень состоятельными… Богатство у Шанель почему-то ассоциировалось с множеством окороков и копченостей, висящих над большим очагом на кухне, буфетами, забитыми соленым маслом, и шкафами, полными отменного постельного белья из ценного иссуарского полотна.

Запах чистоты от белоснежных простыней с кружевными краями казался Габриэль самым главным запахом счастливого детства. Всю жизнь Шанель любила запах чистоты и была вымыта буквально до скрипа, как и все вокруг нее.

Куда девался выдуманный мир богатых тетушек? Такие мелочи Шанель не занимали, он никуда не девался, этот мир по-прежнему жил в ее выдумках: богатые тетушки, владелицы ферм и пастбищ, кухня состоятельного провинциального дома с окороками над очагом, кру-

жевные туго накрахмаленные чепцы служанок… Она не представляла другой жизни, видимо однажды увидев в чьем-то доме именно такую картинку. Скорее всего, какая-нибудь монахиня взяла девочку с собой в такой дом, чтобы помочь отнести выполненную работу, там Габриэль и обнаружила буфеты, полные масла, и шкафы с простынями, пахнущими чистотой.

Реальность разительно отличалась от выдумки. Младший брат Люсьен, вернувшись со службы в армии, отца все же разыскал. Альберт Шанель, конечно, не ездил ни в какую Америку, он продолжал колесить по ярмаркам, торговать вином и всякой мелочью, например посудой, частенько даже нарушая закон, сильно пил и жил с такой же пьянчугой.

Мир семьи отца и матери для Шанель был закрыт, вернее, она сама захлопнула туда двери потолще приютских и никому не позволяла подглядывать даже в щелочку. Не будем и мы.

Но закончилось и приютское пребывание, в Обазине монахини оставляли только тех девушек, которые намеревались принять постриг. Джулия и Антуанетта пока остались, Габриэль и ее тетушка-ровесница Адриенна покинули стены приюта. Монахини учили девочек шитью, давая им навыки белошвеек, а потом старались пристроить куда-нибудь, чтобы была возможность заработать кусок хлеба.

Это действительно мог быть только кусок, даже просиживая над шитьем день и ночь, заработать на безбедную жизнь невозможно. И тогда Габриэль сделала попытку вырваться из бедности с помощью карьеры в… кабаре! Это второй секрет Мадемуазель, Шанель многое бы отдала, чтобы ее карьеру певицы кафешантана забыли.

Она не обладала никакими особенными данными: ни вокальными, ни физическими, напротив, голос тихий и чуть с хрипотцой (которая усилилась, когда Габриэль начала курить), невысокая, худая, если не сказать тощая… И это во времена, когда в моде пухлые фигуристые дамы. Но мечта стать певицей оказалась сильнее доводов разума.

Габриэль и Адриенна жили уже самостоятельно, снимая крохотную комнатушку, днем работая в магазине, а вечера проводя за подработкой, все так же с иголкой в руках. Но это был уже не Обазин, а Мулен. Не Париж, конечно, но город, в котором имелись целых два (!) кафешантана. А еще рядом с Муленом квартировал 10-й егерский полк, кавалеристы которого посещали эти самые кафе по вечерам.

Две девушки быстро стали приятельницами кавалеристов (только приятельницами, поскольку в качестве любовниц не подходили, одна выглядела в свои двадцать два просто ребенком, а вторая – красавица Адриенна – производила впечатление принцессы-недотроги). Зато Габриэль была веселой и неунывающей. Именно в расчете на поддержку приятелей, составлявших основную массу посетителей кафешантана «Ротонда», и направила свои стопы Шанель к его директору, возжелав карьеры певицы. Верная Адриенна с ней.

Несмотря на явное отсутствие всяких данных, их приняли. Собственно, директор ничем не рисковал, ведь оплата новеньким не полагалась, статисткам предстояло заполнить собой время между номерами, что-то пропев или станцевав. После этого можно пройти со шляпой по кругу, чтобы собрать деньги с посетителей. Провал? Вполне возможен, пара неудачных вечеров и несостоявшаяся звезда попросту изгонялась.

У Габриэль неудач не было, хотя пела она отвратительно. Просто в кафешантане сидели приятели из 10-го егерского. Разве они могли не поддержать подружку? Крики восторга заглушали само пение. Репертуар был небогатым – всего пара песенок, сыгравших в ее жизни заметную роль. Шанель пела куплеты с кукареканьем и еще одну песенку о потерявшейся собачке «Кто видел Коко у Трокадеро?».

Поддерживая свою подружку, егеря вопили:

– Коко! Коко!

Не нужно объяснять, к чему это привело?

Чуть позже, осознав, что прозвище прилипло основательно, Шанель немало злилась, но исправить уже ничего не смогла. Потом решила, что не имя прославляет человека, а человек имя, и превратила его в роскошный бренд! У великих всегда так.

Конечно, исполнение куплетов с кукареканьем в кафешантане заштатного городишки никому не добавляет плюсов в биографию, но как можно осуждать девушку, которой хотелось вырваться из бедности и однообразия грозившего ей существования?

Ободренная «успехом» в «Ротонде», Шанель, которую пока еще не называли Коко, решила попытать счастья в Виши. Виши не Мулен, там и публика другая, и кафешантаны роскошней, и возможностей куда больше. Бедной девушке уже виделся ошеломляющий успех и приглашение в Париж. «Подняться в Париж», как это тогда называлось… что могло быть заманчивей? Но…

В Виши не было егерей 10-го полка, вернее, те приезжали, но изредка. А для начала требовалось пройти просмотр хотя бы в какое-то кабаре. На ее и наше счастье (иначе не было бы знаменитой кутюрье и многих ее придумок) Шанель с треском провалила все показы! Голоса нет, внешних данных нет, умения двигаться тоже! Приговор был окончательным и обжалованию не подлежал.

Единственным человеком, никогда не верившим в будущий оглушительный успех Габриэль на сцене, был один из лихих кавалеристов Мулена Этьен Бальсан, хотя именно он дал денег на поездку в Виши и почти год поддерживал Шанель там. Страстный лошадник Бальсан как раз заканчивал службу в егерском полку и намеревался осесть в своем имении, недавно купленном и перестроенном под конезавод. Предложение последовать за ним Шанель приняла с радостью, потому что других перспектив просто не имелось.

В качестве кого? Если верить им обоим, любви не было, обычного содержания тоже. Жениться на ней Бальсан не собирался, но и становиться простой содержанкой Габриэль тоже не желала. Вообще-то у Бальсана была куда более роскошная любовница – одна из трех «великих» Парижа красавица Эмильенна д'Алансон, рядом с которой Габриэль выглядела встрепанным воробышком. Эмильенна умела обирать своих поклонников, Бальсан оказался одним из немногих, кто удержался от безумных трат на любовницу, не промотав свое состояние.

Завидовала ли Габриэль Эмильенне? Ничуть! Для нее жить на деньги любовника было почти позором. Но как же она жила в Руайо, в имении Бальсана? Удивительно, но практически сама по себе, на правах гостьи. До управления домом ее не допускали ввиду полной профнепригодности в этом деле, и сначала Шанель просто бездельничала. Потом обучилась верховой езде и стала блестящей наездницей! Но даже гостье на собственные расходы нужны деньги, пришлось подрабатывать изготовлением или переделкой шляп приятельницам Бальсана.

Первой оценила ее творения как раз Эмильенна, она же быстро организовала других клиенток.

Бальсан, судя по всему, был наивным и добродушным человеком, склонным прощать своим друзьям все. Время проходило весело…

Шанель рассказывала о таком случае. Однажды Бальсана попросили оказать гостеприимство некоему епископу, который проследует через Руайо. Конечно, Этьен согласился предоставить кров и принять священника с честью. Правда, для этого следовало приструнить свою «банду», что Бальсан и сделал. Он лично провел строгую беседу с дамами, наставляя, как держаться в приличном обществе. Все срочно «добавили скромности» в свои наряды, закрыли декольте и поклялись вести себя как подобает. В воздухе витало: «Это вам не…!». Дамы прониклись.

Епископ прибыл под вечер в сопровождении немалого числа бездельников и был принят действительно с почетом. Особенно отличилась Шанель, она столь «правильно» общалась

с духовными лицами, что заслужила отдельное одобрение. «Банда» показала, что умеет держаться вполне по-светски.

Пока епископ переодевался к ужину у себя в спальне, довольный Бальсан снова произнес речь, смысл которой сводился к «можете ведь, черти, если захотите!» и «это вам не наша банда, святой отец есть святой отец, учитесь!». Но едва он успел закрыть рот, как в гостиную вбежала горничная, вся в слезах, мол, монсеньор пытался к ней приставать с неприличными намеками. Стены дома дрогнули от взрыва хохота!

Но Бальсан не сдался, взяв себя в руки, он строго заявил, что горничная что-то не так поняла и все должны продолжать производить приятное впечатление как ни в чем не бывало. «Банда» послушно опустила глаза.

Но дальше – больше, во время обеда епископ вел себя просто отвратительно, он пил как лошадь, строил глазки дамам и, что хуже всего, принялся приставать к метрдотелю, делая совершенно недвусмысленные намеки насчет своего интереса и называя бедолагу «мой шалунишка»… Бальсан от стыда не знал, куда деваться.

И только после обеда актриса Марта Давелли, всегдашняя участница веселья в Руайо, не выдержав, созналась. Епископ и его «набожная» свита оказались… нанятыми статистами из «Опера»! Теперь валялась от хохота вся компания, одураченная «банда» во главе с Бальсаном долго не могла прийти в себя. Скромное платье, в которое Шанель превратила свой откровенный вечерний туалет, отныне называли «епископским», а у Бальсана требовали наставлений по приличному поведению при гостях.

Именно в веселой компании, собиравшейся в Руайо либо разъезжавшей вместе с Бальсаном по разным турнирам, Шанель и получила прозвище Коко. Сама она, конечно, утверждала, что так называл ее отец. Не признаваться же в неудавшейся артистической карьере! Этьена Бальсана приятели прозвали Рикко, чтобы вместе с Габриэль они образовывали петушиный крик «Коко-Рикко!».

Бальсан не обижался, пришлось терпеть и Габриэль.

Компания действительно была веселой, бесшабашной, их даже иногда называли бандой. Там же Габриэль, уже прозванная Коко, познакомилась с людьми, сыгравшими в ее судьбе решающую роль. Одно знакомство – с Боем Кейпелом – состоялось наверняка во время одной из веселых поездок.

Кем был Артур Кейпел, которого друзья прозвали просто Боем?

Почему Бой не женился на Коко. Как родословная может помешать любви

Без этого человека не было бы той Шанель, которую мы знаем.

Артур Кейпел, прозванный приятелями Боем, одновременно и хорошо известен, и загадочен. Никто не знал его родителей, о происхождении Кейпела ходили легенды. Однако он имел отменные манеры, был прекрасно образован, умен, красив и богат. Причем богатство не просто получил от отца (таковым называли французского банкира), но и смог приумножить сам. В Бое Кейпеле удивительно сочетались записной плейбой, расчетливый делец, умный политик и романтик. Он с равным успехом делал деньги, писал книги и статьи, играл в поло и ухаживал за женщинами. Деньги текли рекой, написанное принималось критиками с восторгом, а женщины были от Боя без ума.

Шанель тоже.

Возник своеобразный любовный треугольник, потому что Бальсан вдруг осознал, что пригласил Габриэль в свое имение не просто так, а по зову сердца. Но ее сердце уже безраздельно занял Бой.

Правда, это совершенно не мешало Коко опираться на финансовую и моральную поддержку Бальсана в своей деятельности. Вот в отношении этого у Бальсана и Кейпела категорически расходились взгляды.

Когда Шанель вдруг решила, что сидеть на шее Этьена не может и должна зарабатывать сама, она принялась сначала переделывать, а потом и сама изготовлять шляпки. Приятельницы-актрисы из «банды» стали ее первыми заказчицами, за ними последовали и дамы полусвета, а потом аристократки. Но заниматься этим в Руайо просто невозможно, Шанель уговорила Бальсана позволить ей организовать маленькую мастерскую на его крошечной холостяцкой квартирке в Париже. Бальсан махнул рукой, мол, организовывай.

Но когда квартирка стала слишком мала для того, чтобы там посадить нескольких работниц и устроить мало-мальски приемлемый салон, давать деньги на расширение мастерской приятель из Руайо отказался. Нет, он не был скупердяем, здесь дело в подходе к проблеме работы женщины. Иметь любовницу, даже такую странную, какой тогда была Шанель, и содержать ее, позволяя на своей квартире творить черт-те что, – это одно, это забава, развлечение, над которым в компании приятелей за стаканчиком вина можно и посмеяться. Но дать деньги женщине, чтобы та работала… ни один уважающий себя мужчина такого не позволит!

Бальсан плохо знал Коко: если та что-то решила, свернуть ее с пути избранного не под силу даже бывшему егерю. Деньги дал Кейпел, тот оказался хитрее. Бою было плевать на осуждение приятелей по игре в поло, он просто поручился в банке и открыл Шанель счет.

Нет никаких сомнений, что Шанель по-настоящему любила Боя, похоже, она вообще только раз и любила, все остальное было жалким подобием. Кейпел стал для нее всем – любовником (очень умелым и опытным), старшим братом, наставником, отцом… Для девочки, которая всю жизнь до этого мечтала об отце-защитнике, страшно переживала, что Альберт Шанель забыл о них с сестрами, получить заботливого красавца вообще равносильно выигрышу у судьбы.

Без сомнения, и Бой любил Коко, только чуть иначе. У него было немало женщин, о которых Шанель знала, но старательно делала вид, что не ревнует, словно искупая этим дар судьбы. Бой возвращался к ней, всегда возвращался. Он отказывался бросать эту женщину, словно найдя в ней нечто такое, чего не смог найти никто другой.

В некоторой степени Кейпел, словно Пигмалион свою Галатею, лепил Шанель, помогая ей стать не просто строптивой девчонкой, а женщиной, диктующей свою волю и свой вкус многим. Уже за одно это Коко могла любить Боя. А ведь он еще был и красив, и опытен.

Похоже, именно с ним она стала настоящей женщиной. Сама Шанель вскользь рассказывала о какой-то небольшой гинекологической операции: «Чик, и все!», после которой проблем больше не стало. Но это ее личное дело.

Кейпел воспитывал:

– Ты не права…

– Ты солгала…

– То, что ты сделала, плохо…

– Не смей так выражаться…

– Ты невоспитанная девчонка…

Попробовал бы кто-то другой сказать подобное! Даже Бальсану не позволялось. Видно, у Боя Коко почувствовала искреннюю заинтересованность.

Они явно никогда не разговаривали о своих семьях и своем прошлом, чувствуя, что делать этого не следует. У обоих было что скрывать, чтобы не ставить в неловкое положение другого, молчали и о себе. Хотя Кейпел наверняка от Бальсана знал, где тот нашел Шанель.

И все же Бой заметно стеснялся ее. Они почти нигде не появлялись вместе, если и посещали рестораны, то приходили и уходили врозь. Бой оправдывал это необходимостью соблюдать правила приличия, хотя любому было ясно, что он просто придумывает повод, чтобы не демонстрировать Коко рядом с собой. Можно представить горечь, которую испытывала Шанель, наверняка ее независимая натура с трудом сдерживалась, чтобы не порвать с Кейпелом окончательно.

Но были две причины, по которым она не могла этого сделать: Бой финансировал ее текущие расходы, но, главное, Коко любила его! Любила и прекрасно понимала, что Кейпел может в любой день просто исчезнуть из ее жизни. Уйти, уехать, как когда-то отец, и больше не вернуться. Он не был ей чем-то обязан, а любил ли настолько, чтобы не суметь уйти, неизвестно.

Любила ли она его, если сцен ревности никогда не было? Любила, именно потому и не устраивала. Шанель знала: Кейпел мучается, он не может ее просто бросить, но стоит дать повод, закатив хотя бы одну сцену, и мужество для такого поступка у Боя появится. Сколько же нужно было сил, какое терпение, чтобы знать о его изменах, о том, что может бросить, и молчать! Она любила. Даже через много лет Шанель оправдывала своего неверного возлюбленного и за измены, и за пренебрежение к себе, чего не делала в отношении кого-то другого.

Этьену Бальсану надоел роман втроем, он предложил Коко замужество. Но время уже было потеряно, Коко уже почувствовала вкус свободы и первых собственных денег. К тому же для Бальсана была неприемлема работа Коко, мужчина не должен позволять ни жене, ни даже любовнице работать, это недостойно настоящего мужчины. Бальсан даже презирал Кейпела за то, что тот поощрял занятия Шанель.

К этому времени Коко начала уже шить не только шляпки, но и одежду. Она отказала Бальсану, и тот уехал залечивать душевные раны в Аргентину в надежде, что немного погодя Кейпел просто бросит Шанель и она, оставшись одна, вспомнит о своем друге из Руайо. Бальсан точно знал, что Бой никогда не женится на Коко.

Все произошло несколько не так, как ждал Бальсан. Коко занялась модой всерьез, добавив к шляпкам одежду. Что подтолкнуло к этому? Возможно, отчаяние. Кажется, в глубине души она не хуже Бальсана понимала, что никогда не станет мадам Кейпел. Желание доказать себе самой и ему, что чего-то стоит, отчаяние, стремление выбиться в люди, а еще простое желание обеспечить саму себя заставило Шанель развивать дело.

Бой не брал ее с собой никуда, лишь однажды ей удалось буквально вынудить любовника пригласить в казино. Это произвело эффект разорвавшейся бомбы, на следующий день клиентки валом повалили в ее мастерскую, смотреть, что же такое продает забавная протеже Кейпела. Заказов прибавилось, а вот радости едва ли. Чувствовать себя под перекрестными отнюдь не дружескими взорами не слишком приятно, особенно если у тебя за плечами всего лишь приют в Обазине и жизнь в Мулене. Шанель выдержала.

Подружки из Руайо были более снисходительны, они порой хорошо помогали. У Шанель уже были деньги, но, чтобы открылись двери парижских салонов, деньги были нужны во много раз большие. Это произошло позже, пока ее еще не вводили в круг богемы Парижа, но хотя бы приглашали в театр, ведь подруги из «банды» играли сами и имели достаточно состоятельных любовников.

Так Шанель попала на скандально знаменитую премьеру «Весны Священной» Стравинского в 1913 году. Просто одна из подружек-актрис Кариатис была приглашена своим немецким любовником на спектакль, которого Париж очень ждал, но пожелала взять с собой и французского любовника Шарля Дюллена, денег на такой поход не имевшего. Чтобы ситуация не сложилась слишком уж нелепая, требовалась еще одна свободная женщина. Подвернулась Коко.

Так, сама того не ожидая, она оказалась в гуще театральных событий. Кейпел водил Шанель на «Шехерезаду» в исполнении «Русского балета» Дягилева (до «Весны…» или после неизвестно), тогда на молодую женщину произвели неизгладимое впечатление декорации Бакста. Но в «Весне Священной» потрясающим было все: непонятный, непостижимый танец, декорации, но главное – музыка. Будь Коко воспитана в лучших традициях классического балета, она, возможно, и осталась бы недовольна, но у Шанель не было никакого опыта восприятия современной музыки, потому она поверила Кариатис и собственному вкусу и с удовольствием аплодировала, поражаясь тому, что весь партер свистит и вопит.

Публика действительно сходила с ума, такого не было никогда, достопочтенные зрители партера и лож буквально кидались друг на дружку с кулаками, а шум от топота ног, свиста и выкриков стоял такой, что музыки не было слышно вовсе. Сергею Дягилеву пришлось несколько раз выключать свет, пытаясь успокоить беснующихся парижских эстетов, а композитору просто спасаться бегством из зала.

Глядя вслед этому щуплому очкарику, думала ли Шанель, что через семь лет будет помогать Стравинскому выжить и ей даже станут приписывать роман с Игорем Федоровичем? А тогда она даже во время скандала, вернее до начала спектакля, заметила еще одно: на Кариатис явно оглядывались дамы, причем не осуждающе, а с любопытством, пытаясь запомнить фасон ее платья и то, как уложены и заколоты большим красивым гребнем ее волосы. Коко воочию увидела, что значит диктовать моду, но не в салоне, куда ходят только клиентки, а в театре.

Запомнилось.

Но Кейпел все чаще оставлял ее одну, правда, подбросив идею открыть свой бутик в курортном Довиле. Он арендовал для Коко помещение прямо на главной улице, чтобы модницы, прогуливающиеся вдоль пляжа под зонтиками, могли заглядывать и в бутик. К ней приехали младшая сестра Антуанетта и верная тетя Адриенна, у которой все продолжался многолетний роман с бароном из Мулена. Неизвестно, что говорили Коко Адриенна и Антуанетта, но даже их присутствие не спасло Шанель от тоски и одиночества. Кейпел отдалялся…

Спасала работа: только когда она вставала с ножницами в руках либо перед манекенщицей, либо перед рулоном ткани, она забывала о бедах и тоске. Работа будет спасать ее всегда, только в военное и послевоенное время, когда работы не будет, на Шанель навалится настоящая тоска.

Кроме того, работа давала деньги, а Коко прекрасно знала, что без них никуда. Рассказывая о тех годах биографам, Шанель все время подчеркивала, что была еще несовершеннолетней, маленькой девочкой, даже не имеющей права подписи, мол, поэтому Бой и опекал ее так строго. Это глупость, потому что в 1913 году, когда она всерьез взялась за производство одежды, Коко исполнилось тридцать лет. По любым меркам на ребенка не похоже!

И право подписи у нее давно было, и даже своя чековая книжка, из-за чего они едва не поссорились с Кейпелом. Бальсан отказался дать деньги на организацию ателье и бутика, только предоставил квартиру и предложил выйти замуж. Бой деньги дал, а потом сделал вид, что у нее есть свои, для чего просто открыл Шанель кредит в банке, положив туда в качестве залога собственные бумаги. Получив в распоряжение чековую книжку, Коко принялась тратить, не слишком задумываясь над суммами, нет, она не покупала все подряд, все же сказывалась крестьянская жилка, но кредит превысила. Сообщили об этом, конечно, Кейпелу как залогодателю. Он не стал выговаривать любовнице, просто мягко напомнил, что если та намерена купить что-то очень крупное или дорогое (а Шанель приобрела лаковые ширмы Кормонделя, оставшиеся с ней до конца ее дней), то нужно сначала предупредить его, чтобы лимит был повышен.

Наверное, в ту минуту над Коко разверзлось небо, а под ногами бездна, и грянул неслышный остальным гром. Она-то думала, что обрела свободу и покупает все на собственные деньги, потому тратила, не считая, а оказалось, что это любовник пополняет счет! Для Шанель это было абсолютно неприемлемо, она никогда не желала становиться содержанкой, всеми способами избегала этого с Бальсаном, начав изготавливать шляпки, чтобы иметь свои деньги и ничего не просить у любовника. И вдруг обнаружить, что живешь за счет другого…

Потрясение оказалось сильным, она даже швырнула в лицо Кейпелу сумочку и убежала из квартиры, в которой жила. Оставаться в оплаченной любовником квартире и на его деньги… Бой сумел вернуть ее и убедить принять эти средства. Тогда у Коко родилось твердое решение встать на ноги самой и все вернуть Кейпелу, причем с процентами!

Со следующего утра с рассветом она была уже в ателье, чем привела в неописуемое изумление персонал, не привыкший видеть владелицу так рано. Началась работа. Если Кейпел и сделал Шанель, то не только поддержкой в первые месяцы, а скорее именно в тот день. Работа принесла свои плоды, уже через год Шанель смогла не только выплатить Кейпелу вложенные в дело средства, но и «накинуть» проценты. Она встала на ноги.

Бой очень… расстроился, вздохнув:

– Я думал, что даю тебе игрушку, а дал свободу.

Свободы не вышло, она все равно осталась привязана сердцем, а эта связь куда крепче любой другой….

По совету Кейпела Шанель с началом Первой мировой войны не закрыла свой бутик в Довиле и оказалась единственной из торгующих одеждой. Бежавшие при наступлении немцев из восточных имений в Довиль дамы нуждались в новых платьях, причем лучше таких, в которых было бы удобно работать в госпиталях и которые можно надеть без помощи горничной. Именно поэтому модели Шанель стали столь популярны. В то время, когда Франция едва не рухнула, она сама оказалась на высоте. В трудностях Франции вины Коко не было ни малейшей, а не заработать, когда есть возможность, просто грех. И женщинам очень понравились удобные, недорогие платья без жестких корсетов, множества рюш и оборок, без турнюров, такие, в которых можно не только свободно ходить или сидеть, но и бегать. Даже после войны женщины не пожелали отказываться от приобретенных у странной портнихи удобных нарядов. Впервые Шанель победила, она ввела кроме моды на шляпки моду на удобные платья.

Артур Кейпел тоже побывал на войне, правда, занимался больше поставками угля со своих угольных шахт в Англии, но пороха понюхал. И даже во время военных действий он сумел выбраться к любовнице и свозить Коко в Биарриц – курорт на границе с Испанией. В

Биаррице было тихо, спокойно, много аристократической публики и никаких кутюрье! Через месяц аристократки уже стояли в очереди, желая заказать наряд у Шанель. Биарриц стал Клондайком для Шанель не только в военные годы, но и на долгий срок.

Количество открытых бутиков росло, благосостояние новой кутюрье тоже. Ее соперник – Поль Пуаре, в последние годы диктовавший моду и предложивший стиль «Шехерезада» с настолько узким внизу платьем, что дамам приходилось стягивать колени резинкой, потому что при слишком широком шаге подол просто рвался, в военное время занялся изготовлением формы для армии, остальные забились по щелям. Шанель вполне воспользовалась моментом. Вернувшись на подиумы после войны, Поль Пуаре и остальные с изумлением обнаружили, что там царит вчера еще никому не известная портниха из Мулена.

Коко никому не говорила, что она из Мулена, но это мало что меняло. Место диктатора моды заняла практически самозванка! Это было неприятным открытием, но Поля Пуаре нимало не обеспокоило. Глупышка свернет себе шею за пару лет окончательно, что она может предложить? Какое-то убожество, разве такой должна быть женщина? Даму нужно холить и лелеять, водить, поддерживая под локоток, чтобы не упала, помогать одеваться и раздеваться (лучше второе)… Шанель предлагала все иное – самостоятельную женщину, одевающую платье без помощи горничных и двигающуюся широким шагом (и никаких резинок на коленях!).

Надо ли говорить, что женщинам понравилось предложение Шанель, они не желали возвращаться к тюрбанам и нарядам Шехерезады. Побеждала Шанель!

А где все это время был Бой? Он воевал, зарабатывал деньги, периодически ездил отдыхать с Коко, временами ночевал на квартире, которую снял для них. Но предложения выйти замуж не делал.

Почему? Коко уже не была той глупышкой из Руайо, которую нужно учить есть устрицы или объяснять, что подпись в чековой книжке чего-то стоит только тогда, когда на счету есть средства. Это была стройная красавица, диктующая моду, по ее примеру женщины окончательно отказались от корсетов, оголили икры ног, перестали бояться загара, а потом и вовсе постриглись. Своим примером она заставила женщин Парижа, а за ними и почти всей Европы раскрепоститься, почувствовать себя самостоятельными и свободными. Одежда для женщин всегда очень много значила, сознание самой себя в корсете или без него разительно отличается, а возможность носить то, что хочется, а не то, что придумали мужчины, мало заботившиеся об удобстве прекрасного пола, добавляет уверенности.

Коко победила, она имела достаточно средств, она диктовала моду Парижу (пусть пока еще не царя в ней безраздельно), она была молода, хороша собой, активна… Чего не хватало Бою? Не любил?

Нет, скорее иное. Кейпелу, даже в большей степени, чем Шанель, было нужно положение в свете. Это Коко могла позволить себе устроить скандал в обществе, предложив новый фасон шляпки или платья. Это с ней считались дамы, выбирая, где сделать талию. Бой вращался в совсем других кругах – деловых. Банкирам в Довиле или Биаррице можно представить Коко Шанель, даже если те с женами. Это даже хорошо, жены придут в Париже в ателье и закажут себе что-то новенькое, а потом приведут знакомых. Так обычно и случалось. Но это ни в коем случае не означало, что Коко примут в свой круг или допустят в гостиные Парижа или Лондона.

Она никто, всего лишь портниха, модная, своеобразная, но портниха. Она на другой ступеньке, иметь ее любовницей не возбранялось, тем более Кейпел не был женат. Но если бы Бой захотел жениться на Шанель, он тоже опустился бы на эту ступеньку. Опустился, а Кейпелу так хотелось подняться или закрепиться на той, куда он смог пробиться благодаря собственным усилиям. Шанель была гирей на его ногах, а гиря не воздушный шар и вверх не тянет, норовит, напротив, прижать к земле.

Если бы любил, то наплевал на такие условности. Денег у них было достаточно, чтобы жить припеваючи, мог бы помочь ей окончательно встать на ноги. Если бы любил…

Но Кейпел не наплевал, он рвался в высшее общество, а потому свою связь с Коко старался не афишировать. Бою была нужна другая жена, пусть не такая красивая (а Коко тогда была настоящей красавицей, это потом резкое выражение лица красоту подпортило и испортило окончательно), не такая оригинальная, не такая деловитая, но из того самого высшего общества, куда он стремился. А Шанель… ну что Шанель, любовница, и все…

Понимала ли она такое положение? Много лет позже Шанель делала вид, что нет, мол, предательство Боя для нее явилось полной неожиданностью. Думается, это ложь, все она прекрасно видела и понимала, Кейпел предал ее не вдруг. Просто не хотела даже самой себе признаться, что готова терпеть такое положение дел, потому что любила. Любовь зла…

Она по-прежнему не давала никаких поводов, терпеливо сносила его отлучки и забывчивость, то, что Кейпел с радостью менял ее общество на общество светских дам (обычно в Лондоне), что больше не показывался с ней нигде и в Париже, ведь она стала слишком заметной фигурой, достаточно одного похода в ресторан, чтобы все заговорили о любовнице Кейпела. Коко было достаточно и их маленького гнездышка, но Бою нет, он хотел в свет, а вести туда с собой Шанель не мог. Он вращался среди тех, для кого образованием считались приличные колледжи или университеты, кто мог похвастать родословной, владел несколькими языками и демонстрировал знания, просто недоступные для девушки из Мулена. Сам Кейпел хоть и не имел родословной, зато образованием блеснуть мог. Коко этого не дано, несколько позже она научится всему сама, не без помощи друзей, конечно, но все же.

А тогда девушка с таким прошлым, какое было у Шанель, напрочь перекрывала Кейпелу все будущее. Возможно, его сердце и рвалось в квартирку в Париже, где его ждала забавная портниха, успешно превращающаяся в кутюрье, но разум велел оставаться в Лондоне. Возраст диктовал необходимость жениться, Кейпелу был нужен наследник.

Шанель было тридцать пять и о замужестве говорить поздновато (хотя она еще не раз будет намереваться обзавестись супругом). Кейпелу тридцать семь. Его супруге Диане Уиндем, урожденной Рибблсдейл, женщине из «очень» высшего общества, двадцать пять. У нее за плечами уже был брак, муж Дианы Перси Уиндем погиб на фронте. Молодая вдова была красива, умна, образованна и принадлежала к элите английского высшего общества.

Что бы там ни говорила Шанель, никакой домашней клушей Диана не была и дурнушкой тоже. Они с Кейпелом познакомились на фронте, когда миссис Уиндем вела машину «Скорой помощи» Красного Креста на фронте во Франции. И как бы ни отрицала Коко, страсть, вспыхнувшая между Боем и Дианой, была настолько сильной, что не забылась даже через несколько лет, когда Кейпел решил-таки жениться.

Страсть явно была взаимной, потому что молодая вдова презрела осуждение света и родственников и вышла замуж за полуфранцуза, как называли Кейпела. Скандал, и чтобы на него решиться, молодой леди нужно было сильно любить своего избранника.

Любовнице о предстоящей женитьбе Бой не сказал, не решился. Он всячески делал вид, что все прекрасно, дарил Шанель цветы и драгоценности, словно заранее вымаливая прощение. В связи с этим у них тоже едва не произошла настоящая ссора. Преподнесенную дорогую диадему от Картье Коко просто не знала, как приспособить, что вызвало у неосторожного Боя смех. Шанель налетела на любовника почти с кулаками, укоряя в том, что он знает многое, чего не знает она сама. Возможно, это тоже показало Кейпелу разницу между Дианой и Коко. Не знаю, подарил ли он невесте книгу «Размышления о победе», но Коко подарил, причем свой собственный экземпляр с пометками. И рукопись тоже отдал ей. Вряд ли это помогло Шанель понять образ мыслей Кейпела, эти размышления были от ее собственных размышлений так далеки…

Стоит ли удивляться, ведь все образование Коко составляла школа в приюте Обазина. Чему могли научить монахини? Читать, писать (между прочим, почерк у Шанель четкий, но… как бы мягче выразиться… малограмотный, буквы словно нарисованы, а не написаны, так

обычно пишут те, кому не часто приходится это делать), считать… Но всемирную литературу и историю искусств не преподавали наверняка, ни к чему история искусств выпускницам обазинского приюта. Где она могла научиться красиво излагать свои мысли, даже если те и были?

Но Кейпел не мог становиться Пигмалионом для Шанель во всем, сделал из нее бизнес-леди, и ладно. Успешной предпринимательницей Коко стала быстро, все схватывая на лету. Если бы ее обучали с детства, еще неизвестно, что мы получили бы в результате.

Кейпел собрался жениться… Мир тесен, Шанель не могла не услышать эту новость или не прочитать в газете, такие происшествия, как помолвка дочери лорда Рибблсдейла, незамеченными не остаются.

Умерла надежда стать женой Боя, Коко снова осталась одна… Еще раньше умерла другая надежда, о которой Шанель вспоминала и говорила крайне редко, практически никогда, только если забывалась и проговаривалась. Мало кто понимал, о чем она. Однажды Коко проговорилась своей подруге-психоаналитику Клод Делэ. Однажды ей стало плохо, акушерка не смогла ничем помочь и пришлось вызвать доктора Жан-Луи Фора. Но и доктор оказался бессилен. У Коко случился выкидыш.

Все. Больше никаких комментариев с ее стороны. Только внимательное изучение этого времени буквально по дням помогает понять, что она лежала в клинике на сохранении, но ничего не помогло. Однако Бой об этом так никогда и не узнал… А если бы узнал? Нет-нет, это слишком похоже на шантаж, до такого Шанель не унизилась бы. Рожать ребенка от любовника одно, а заставлять жениться из-за этого – совсем другое.

Кейпел женился на другой, и Диана родила ему дочь. А Шанель после выкидыша была обречена на бесплодие. Есть еще версия, что это результат сделанного давным-давно, еще в Виши или Мулене, аборта. И другая версия – что племянник Андре, якобы рожденный старшей сестрой Джулией в бытность в Обазине и умершей при родах, в действительности сын самой Коко, потому она так обхаживала этого мальчика, а потом молодого человека, всю жизнь содержала его и его дочь, тоже Габриэль. Что ж, и это может быть, но Мадемуазель не раскрывала секрета, а это не тот скелет, который стоит из шкафа вытаскивать.

Вернемся к тем дням, когда стало ясно, что Бой женится на другой.

Что сделала Шанель? Обрезала волосы. Конечно, она навыдумывала разных историй со вспыхнувшей газовой колонкой, подгоревшей прядью, недостатком времени перед театром… Времени, чтобы уложить волосы, прикрыв подгоревшую прядь, не хватило, а постричься и соорудить новый наряд оказалось достаточно.

Театр был полон, и ложи блистали, но их блеск мгновенно затмило появление Коко Шанель в новом виде. Она обрезала волосы! Разве она первая, разве никто из женщин не стриг своих кос до Шанель? Конечно, не первая и, конечно, стригли, но раньше это воспринималось как наказание. Никто же не знал, что это тоже форма протеста, решили, что желание выделиться.

Через неделю постригся весь Париж, свои длинные и не очень, густые и реденькие, белокурые, золотистые, черные как воронье крыло и даже седые волосы отрезали дамы, девушки, старушки… Если б это помогло вернуть Боя! Но Кейпел принадлежал другой… Когда он приехал, чтобы все же сказать Коко о своей женитьбе, то долго не мог решиться открыть рот. Она все поняла сама и сама спросила:

– Ты женишься?

Из квартиры ушел он, оставив жилье Коко, но Шанель не смогла оставаться там, где была счастлива с любимым. Еще раньше, не желая попадаться на глаза знакомым с Шанель, Кейпел убедил ее снять виллу «Ла Миланез», там они могут быть вдвоем, только они и никого больше. Понимала ли Коко, что это просто повод, чтобы не выходить вместе с ней в свет? Наверное, понимала, но, как страус, прятала голову в песок.

Теперь прятаться было невозможно, Бой женился, причем жить остался в Париже! Тогда казалось, что она уже не сможет простить, никогда и словом не перекинется с Кейпелом. Можно возразить, что Бой ведь не обещал жениться, никогда не обещал, что не стоило надеяться, он и так много помог, ему нужно устраивать свою жизнь. Правильно, все правильно, только вот сердце не желало этого понимать, оно болело. Похоже, Кейпел действительно был ее единственной настоящей любовью на всю жизнь, не только его, но и ее, которая продлилась много дольше.

Воспитанная в обазинском приюте дочь нищей Жанны Деволь и ярмарочного торговца Альберта Шанеля не подошла аристократу Артуру Кейпелу, он выбрал миссис Диану Уиндем. Однако их жизнь не сложилась счастливо. Диана уже в следующем году родила Кейпелу дочь, потом снова оказалась беременна. Шанель не грозило и это, она больше не могла иметь детей. Но Бой снова появился в ее жизни, оказалось, что и его сердце не желает слушать голос разума! И Шанель… приняла неверного любовника. Она постаралась забыть, что он женат (при этом одевая его супругу!), и снова закрывала глаза на то, что Кейпел изменяет супруге не только с ней.

Положение любовницы, одной из, да еще и у женатого мужчины. Насколько же нужно любить, чтобы соглашаться на такое! Коко в свои тридцать пять выглядела лет на десять моложе, была настоящей красавицей, за которой увивались мужчины, надеяться на женитьбу на ней Боя больше не стоило, что же кроме любви могло заставить ее так унижаться?

А потом… Боя не стало. В самом конце 1919 года у автомобиля, на котором Кейпел ехал из Парижа в Канн, на полном ходу лопнула шина. Бой погиб сразу, его механик получил тяжелые травмы.

Зачем он ехал в Канн? Одни говорили, чтобы встретить Рождество с супругой, которая должна прибыть из Лондона позже, другие, что собирался объявить ей о разводе. Шанель он обещал вернуться к ней в Париж к Новому году. Сама Диана в это время встречалась в Лондоне с кузеном, который был в нее давным-давно влюблен и надеялся жениться, только дважды опаздывал, красавицу перехватывали другие. Время проводили хорошо, уже было понятно, что миссис Кейпел возражать против развода с Боем не будет.

Разводиться не пришлось, Артур Кейпел был кремирован в Сочельник…

В жизни Шанель наступил настоящий мрак, выбраться из которого самостоятельно она просто не смогла бы. В тридцать шесть лет потеряла свою единственную любовь. Вокруг никого, потому что сестра Антуанетта занята своей жизнью, у Адриенны своя. Одна, совсем одна, и надеяться, что Бой завтра приедет и его улыбка снова осветит ее жизнь, бессмысленно. Боя больше не было ни верного, ни неверного, ни холостого, ни даже женатого на другой.

А что же Диана? Ее друг, тот самый кузен Дафф Купер, писал, что она была несчастлива в браке с первого дня, отношения с супругом не сложились, рождение дочери, а не сына, как Бой надеялся, испортило их окончательно. Кейпел быстро понял, какую ошибку совершил, он практически не общался с женой, с трудом терпел ее присутствие, жаловался, что Диана действует ему на нервы. Однако к моменту гибели мужа Диана снова была беременна.

Кажется, будто Бой предвидел свою смерть, потому что у него оказалось готово завещание. Из 700 000 франков по этому завещанию Шанель получила 40 000, еще 40 000 получила вторая любовница Кейпела – итальянка, родившая ему дочь. Остальное оставалось жене и детям. Оскорбило ли Коко сообщение о существовании еще одной любовницы? Едва ли, она наверняка знала, что Бой неверен не только жене, но и ей тоже.

На свои 40 000 франков Коко расширила свое ателье на рю Камбон и купила новую виллу, потому что жить там, где была счастлива (пусть и с оговорками) с Боем, не смогла. Новая вилла

в Гарше – «Бель Респиро» – знаменита тем, что на ней жили Стравинские и вообще бывало много русских.

Боя Кейпела больше не было, но жизнь продолжалась, и Шанель надо было как-то выкарабкиваться из одиночества и мрака, в который она попала. Вот тут и помогли русские. Немного погодя у Коко началась новая жизнь, в которой больше не было поддержки Боя, но в которой она сама была хозяйкой. Успешной, весьма успешной хозяйкой. Коко стала настоящей Шанель, той, которую запомнил весь мир!

«Русский след» в судьбе Коко Шанель. Куда ж Парижу без русских…

Ни, ни, ни! Не подумайте чего дурного, русских корней в родословной великой Мадемуазель найдено не было, во всяком случае (и далее) пока. Чистейшей крови француженка.

И все же Россия и русские сыграли в ее жизни очень важную роль. Конечно, Англия, Италия или США не меньшую, не говоря уже о Германии или Швейцарии, но мы о своем, оно ближе…

Увлечение Парижа всем русским началось с 1906 года, когда Дягилев привез выставку картин русских художников. На следующий год он познакомил парижан с русскими композиторами, устроив множество концертов, а с 1908 года начались знаменитые «Русские сезоны» Дягилева. Оперные и балетные труппы, составленные из звезд Мариинки и Большого, ожидал аншлаг. Немыслимый бас Федора Шаляпина, вызывавший мороз по коже, божественная Анна Павлова, потрясающая Тамара Карсавина, парящий в прыжке Вацлав Нижинский… Декорации Бакста… музыка Римского-Корсакова, Бородина, Стравинского… Перечислить все роскошество виденного и слышанного невозможно. Парижане отбили ладоши, аплодируя.

Потом оперу привозить перестали, а балет даже перерос в собственную постоянную труппу «Русский балет» Дягилева.

А потом в России грянула революция, и Париж оказался наводнен русскими уже по другому поводу. Наиболее предусмотрительные перевели деньги за границу заранее и сами уехали тоже, другие, как Стравинские, оказались вне России, но их средства остались дома, третьи и вовсе бежали налегке, в том числе через Стамбул, и пополнили ряды парижских безработных.

Далеко не все стойко перенесли лишения, смогли устроить свою жизнь заново, заработать или не потратить последнее, найти себя. Париж был полон очень разными русскими.

Коко Шанель не слышала баса Шаляпина и не видела божественную Павлову просто потому, что жила далеко от Парижа, сначала в Мулене, потом в Руайе. Но вместе с Боем Кейпелом она уже посещала театр (Кейпел водил ее на «Шехерезаду», балет произвел на Шанель неизгладимое впечатление, например, роскошные декорации Бакста она вспоминала и через несколько десятилетий). Есть биографы, утверждающие, что они присутствовали на скандально знаменитой премьере «Весны Священной» Игоря Стравинского, когда крики поклонников и противников нового балета заглушали музыку, а сами зрители устроили настоящую потасовку, защищая каждый свое мнение. Скандал на премьере балета произошел 29 мая 1913 года, тогда Шанель была весьма озабочена другим – развитием своего бизнеса, который только-только стал приносить заметный доход, она открыла первый бутик в курортном Довиле.

Имелись еще две проблемы, из-за которых сам Кейпел едва ли повел бы свою подругу на скандальную премьеру. Первая из них заключалась в том, что от любого перевозбуждения Коко падала с обморок. Просто теряла сознание безо всяких внешне видимых причин. Почему, никто не знал, и Бой Кейпел старался «воспитать» свою подружку, милостиво разрешая ей падать:

– Я рядом с тобой, падай, когда захочется.

Тогда ее действительно пугало все подряд, резкие спазмы сосудов головного мозга вызывали мгновенную потерю сознания. Возможно, поэтому Бой и увез Коко в Довиль на отдых. Им было не до Стравинского и новых балетных веяний.

А потом началась Первая мировая война, когда Шанель была единственная, кто не закрыл свой бутик в Довиле, это привело к появлению огромного числа богатейших клиенток и безусловному успеху новой кутюрье. Кстати, тогда ей уже исполнилось тридцать, но биогра-

фам Мадемуазель твердила, что она не имела права подписи на финансовых документах банка, потому что «была маленькой девочкой»!

Второй причиной могло стать то, что Кейпел не слишком стремился афишировать свою связь с Шанель, они редко появлялись вместе в многолюдных местах, а если и бывали в «Максиме», то даже покидали ресторан поодиночке. Шанель не противилась, она понимала свое место. Скорее, она действительно была там с Кариатисом и Дюлленом, как пишет Эдрих.

Итак, русские уже в Париже, а Коко – больше в Довиле. Всему свое время.

Всерьез с русской диаспорой и богемным миром Парижа Шанель познакомилась после смерти Боя Кейпела. Ввела ее туда Мизия Серт, или просто Мися, как звали польку многочисленные друзья.

Это ее подруга-змея на всю оставшуюся (до смерти самой Мизии) жизнь. Почему змея? О! Мися Серт столь удивительное создание, сыгравшее в жизни Шанель огромную роль, что о ней стоит рассказать подробней.

Полька Мария София Ольга Зинаида Годебска, мадам Натансон, мадам Эдвардс, а потом и мадам Серт, как ее называли в Париже, – Мизия, родилась в 1872 году в Санкт-Петербурге. Она была красива именно в духе модного тогда бель-эпок: с величавой осанкой, тонкой талией и высокой грудью, пышущая здоровьем, полная жизни. Мися к тому же была остра на язык, не боялась крепких (иногда излишне крепких) словечек, которые в устах божественной Мизии звучали скорее пикантно, чем грязно.

Блестящие глаза, копна светло-каштановых волос, отменный цвет лица – все это отражают многочисленные портреты красавицы, написанные Ренуаром, Тулуз-Лотреком и многими-многими другими. Позже Мизия похудела, даже высохла, но колкости языка и язвительности не потеряла. Она всегда была в центре внимания, жизнь для Мизии – захватывающее приключение.

Родилась будущая «королева Парижа», когда ее мать Эжени Софи, решив разыскать «застрявшего» в Петербурге с любовницей (между прочим, ее собственной теткой) мужа – Сиприена Годебски, в студеную зимнюю пору отправилась в столицу России. Мужа нашла, в измене убедилась, родила дочь и умерла, оставив малышку сиротой.

Девочку воспитывали родственницы, прежде всего бабушка. Как и Шанель, она много лет провела в монастыре, правда, это обитель Пресвятого Сердца в центре Парижа на бульваре Инвалидов. Мизия была талантливой пианисткой и могла бы сделать неплохую карьеру на музыкальном поприще, но предпочла вести жизнь праздную, зато весьма насыщенную впечатлениями.

Кто-то эту жизнь должен был оплачивать. Первым супругом Миси стал ее кузен Таде Натансон, редактор журнала «Ревю Бланш», что давало ей возможность оказывать заметное влияние на художественные вкусы парижан. Вторым мужем стал миллионер Альфред Эдвардс, газетный магнат, которому принадлежало так много, что одно перечисление его недвижимости заняло бы страницу. Эдвардс влюбился в Мизию с первого взгляда и попросту… купил ее у Натансона. Париж был в шоке: Таде Натансон согласился уступить жену в обмен на финансовую помощь! Можно заметить, что Эдвардс обхаживал пару Натансон довольно долго – около пяти лет и ловко организовал разорение Тада, потому особого выбора у теперь уже бывшего супруга Мизии не оставалось, Мизия стоила безумно дорого, а денег не было. Эдвардс предложил ему место управляющего какими-то своими рудниками подальше от Парижа и позора («отправил на уголь»), а Мизии – брак и роскошное содержание. Молодая женщина согласилась.

Теперь у нее было все: деньги без счета, лучшие драгоценности, меха, роскошная яхта, собственная ложа в опере, салон, который посещали знаменитости и просто очень влиятельные люди Парижа. Не было только самой жизни, потому что у Эдвардса нашлись два недостатка,

перечеркнувшие все достоинства. С первым – сумасшедшей ревностью – Мизия еще как-то могла бы мириться, но второй – склонность к копрофилии (сексуальное извращение, при котором человек возбуждается только при виде… фекалий!) – мог отравить жизнь кому угодно.

На счастье Мизии, любовь к ней Эдвардса продлилась недолго, через четыре года он влюбился в бисексуалку Женевьеву Лантельм, бывшую проститутку, актрису и потребительницу кокаина. За расторжение брака Мизия получила немалый куш и постоянное содержание, чему была очень рада. Новую супругу Эдвардс через пару лет попросту утопил – помог ей упасть за борт яхты, а через год умер от гриппа и сам, оставив Мисе свободу и деньги. Кстати, одной из прежних любовниц Эдвардса была уже известная нам Эмильенна д'Алансон.

Конечно, прекрасная полька недолго страдала от потери такого супруга, когда тот женился на Лантельм, в ответ быстро завела любовника – Хосе-Марию Серта. Мися с испанцем не могли пожениться, так как условием немалого содержания со стороны бывшего мужа было безбрачие отпущенной на волю супруги, при этом Эдвардс совершенно не ревновал Мизию к Серту, наверняка не видя причин для ревности.

Как можно ревновать роскошную красавицу-польку к заросшему черными волосами чудовищу? У Серта и впрямь волос не было только на кончике носа и на темени, зато все остальное тело покрыто ими так густо, что Хосе-Мария выглядел плюшевым медвежонком. Обжора, сибарит, самоуверенный до неприличия, маленький, толстый, вечно пыхтящий и шепелявящий… Но каким же обаятельным было это чудовище! Хосе-Мария любил жизнь во всех ее проявлениях не меньше Миси и знал о ней безумно много. Посредственный художник, Серт стал монументалистом, расписывая огромные пространства соборов, заказы сыпались один за другим, оплата не отставала.

Шанель вспоминала, что он был потрясающим экскурсоводом, умеющим внушить слушателям причастность к величайшим шедеврам, создавалось впечатление, что любой скульптор, любой художник, любой архитектор, о котором рассказывал Серт, творил именно для тебя.

Но главное – Серт научил Шанель жить так, как она и не мыслила до этого. Все предыдущие годы показали Коко, что основа спокойствия – деньги, их нужно зарабатывать и зарабатывать. Это же доказывал и помогал ей осуществлять Бой Кейпел, он учил делать деньги. Серт научил их тратить. Казалось бы, что за странный опыт, кто же не умеет тратить деньги? Но это дано не каждому, Хосе-Мария Серт умел тратить красиво, жить беспечно, так, словно имел кубышку, никогда не бывающую пустой. Серт сам зарабатывал и тратил состояния, так же стала поступать и Шанель. Нет, они не просаживали безумные деньги в казино и не покупали яхты в каждом порту, не оклеивали стены франками, не спускали их в унитазы и не поджигали купюры, чтобы посветить себе. Но не жалели средств на хорошую еду, удобное жилье, дорогие красивые безделушки, машины, путешествия…

Девочке, воспитанной в строгости и бедности сначала семьи, а потом приюта, было бы трудно научиться этому самой. Уроки Серта пошли впрок, к ним добавилась крестьянская осмотрительность Шанель, и получилась весьма привлекательная смесь. Коко зарабатывала целые состояния и легко тратила их, однако никогда не влезая в долги и не оставаясь на мели даже в самые трудные годы жизни. Серт так не умел, он то сорил деньгами, то сидел без них, делая долги в надежде на будущие заработки, которые, правда, всегда бывали. Серты никогда не одалживали только у одного человека – у самой Шанель, словно Мися чувствовала, что тогда попадет в некую зависимость от подруги.

С Сертами Шанель познакомилась еще при жизни Боя, но тогда Кейпел не допустил близкой дружбы Коко с Мисей. Почему? Почувствовал какую-то угрозу своему влиянию? Возможно так.

Мисю Поль Моран назвал «пожирательницей гениев». Это верно, Мизия нюхом чуяла любой талант, оказавшийся в поле зрения, и если он еще не был «оприходован», брала под свою опеку. С Шанель они встретились в доме Сесиль Сорель. В молчаливой молодой женщине Мися сразу уловила нечто необычное, на следующий день явилась в ее ателье на рю Камбон, провела там несколько часов и напросилась на вечер в гости. Но пока тем и ограничилось, Кейпел не приветствовал новое знакомство Коко.

Когда Кейпел погиб, Шанель переживала так сильно, что превратилась в собственную тень. На помощь пришли Серты, они буквально вытащили Коко в поездку по Италии. Серт показывал обеим женщинам не открыточную, глянцевую Италию, а ту, которую любил и знал сам. Хотя поездка дорого обошлась Шанель (платила в основном она), Коко ни разу не пожалела о проведенном времени и потраченных деньгах. Серт влюбил Шанель в Венецию. А еще именно там Мися и Серт познакомили ее с Дягилевым.

Познакомили, конечно, громко сказано, потому что Коко просто завтракала вместе с Сертами, Дягилевым и великой княгиней Марией Павловной-старшей. Разговор шел о новой постановке «Весны Священной» Стравинского, на которую Дягилев возлагал большие надежды, но нужны деньги. А вот денег у Дягилева, как всегда, не было. Настоящий фанатик пропаганды русской культуры во Франции, он уже потратил все свое состояние на устройство выставок и выступления «Русского балета». В Петербурге его поддерживала великая княгиня Мария Павловна-старшая, но теперь большинство русских и сами оказались без средств, потому Дягилев задолжал всем подряд, начиная от собственных артистов до поставщиков костюмов или пожарных театра.

Мизия очень любила вспоминать, как однажды надолго задержали генеральную репетицию спектакля, потому что костюмы оказались арестованы. Дягилев умолял помочь, и она спешно съездила за несколькими тысячами франков в гостиницу, чтобы выкупить реквизит. Мися действительно помогала Дягилеву, но в основном разыскивая ему меценатов, готовых оплатить очередной долг.

На Шанель в этом разговоре во время завтрака не обратили внимания, портниха была серой тенью Миси. Сама Коко старалась держаться незаметно, почти не разговаривала (какой контраст с будущей Шанель, которая позднее безусловно царила в любой беседе!), больше слушала, впитывая впечатления, запоминая и учась. Ученицей Шанель оказалась прекрасной: рожденная в богадельне и воспитанная в приюте, вынужденная распевать куплеты в кафешантане заштатного городка, она быстро стала не только законодательницей моды в блестящем Париже, но и весьма светской дамой, а ведь учиться пришлось всему. Шанель называла Серта своим университетом, несомненно, так и было, именно он привил интерес к настоящему искусству, умение разбираться не только в людях, но и в том, что они создают. При всех недостатках характера, вкус у Шанель был отменный. Конечно, главное здесь – врожденное чувство меры и прекрасного, но немало значил и приобретенный опыт общения с этим прекрасным.

С этого времени начался настоящий «русский» период для Шанель.

Вернувшись в Париж, она посчитала свои доходы и с удовольствием осознала, что может помочь Дягилеву поставить его балет! Но как отдать эти деньги Сержу? Через Мисю почему-то не хотелось, Коко словно чувствовала, что тогда так и останется на заднем плане за своей новой подругой. Однако если Мися узнает, что Шанель отдала деньги прямо Дягу (так по-приятельски называла Дягилева сама Мися), то обида будет невообразимой.

И все же Коко решилась, она отправилась в гостиницу к Дягилеву и вручила ему чек на сумму, превосходившую все его ожидания (по словам самой Шанель, это были 300 000 франков – совершенно сумасшедшая по тем временам сумма!), поставив только одно условие: никогда и никому не рассказывать, от кого получены средства. Странная просьба, не так ли?

Парижская портниха протягивала чек на огромную сумму, притом что многие аристократки не выделяли и сотой доли такого. А еще просила сохранить огромный дар в тайне.

Наверное, бедный Дяг пережил немало беспокойных минут, когда шел с чеком в банк. Странная женщина… Но чек оказался настоящим, сумма на счету у Шанель вполне достаточной, деньги получены, балет поставлен.

Сама Коко вспоминала, что потом больше полусотни раз помогала Дягилеву выплачивать его долги. Добавим: никогда и ничего не требуя и даже не ожидая взамен. Кроме одного: быть «своей» в этом богемном кругу.

Догадалась ли Мися? Наверное, хотя Дягилев даже ей не сказал, кто именно оплатил постановку. Секрет раскрыл уже после смерти Дягилева его секретарь Борис Кохно в своих воспоминаниях. Но по тому, что Шанель вдруг стала своей для дягилевской труппы, Мися могла догадаться, откуда ветер дует. Однако если и поняла, то вида не подала.

Вообще-то для Мизии это был удар по самолюбию, она должна царить абсолютно во всем, везде быть в центре не только внимания, но и происходивших событий. Ничто в жизни друзей не могло случаться без ее ведома, участия, одобрения или порицания. По меткому замечанию Марселя Пруста, Мизия объединяла друзей, не знающих прежде друг друга, чтобы иметь возможность поссорить их потом.

Особенно Мисе удавались трагедии и скандалы! О! В этом «пожирательница гениев» преуспела особенно. Любая неприятность раздувалась Мисей до уровня страшной трагедии, после чего она становилась утешительницей на долгое время. Быть утешительницей – Мисино призвание. Но если вы думаете, что она и впрямь заботилась об обиженных и пострадавших, то ошибаетесь. Лучше всего Мизию характеризуют слова Шанель. Коко говорила, что, если вы страдаете, Мися всегда придет вам на помощь и сделает все, чтобы вы… страдали как можно дольше!

Коко страдать не желала даже в угоду подруге. Но была Сертам благодарна, потому что познакомилась со столькими уникальными людьми!

Она познакомилась с Бакстом, декорации которого еще в «Шехерезаде» привели Коко в полный восторг. Лев Самойлович все порывался написать ее портрет. Шанель смеялась над «старым попугаем», хотя старым в 1920 году Бакст вовсе не был, ему шел всего пятьдесят пятый год (притом что самой Коко было тридцать семь).

Своим в компании Шанель стал Пабло Пикассо. Дягилев поставил балет-концерт «Фламенко», который танцевали испанские танцовщики. Оформлял спектакль Пикассо, в это время он по-свойски жил на квартире Шанель на рю Фобур-Сент-Оноре. Квартира была огромной (на вилле «Бель Респиро» пребывали Стравинские, к тому же каждый день ездить в Гарш и обратно большая потеря времени, и Коко с размахом сняла квартиру). Одна из комнат предназначалась специально для «долгих» гостей. Этим гостеприимством в разное время пользовались Пикассо, Жан Кокто, Серж Лифарь и другие.

В эту же квартиру Пикассо, не стесняясь, частенько приводил всю шумную компанию танцовщиков. Там же Коко устраивала приемы после каждой премьеры дягилевского балета. Серж Лифарь вспоминал, что денег на танцовщиков и балерин Шанель не жалела.

Пикассо Шанель побаивалась, в нем был какой-то магнетизм, что-то подавляющее ее собственную волю. Коко говорила, что чувствовала себя перед Пабло словно кролик перед удавом, но от дружбы с ним и поддержки, пока художник в ней нуждался, не отказывалась. Эта дружба приводила в бешенство Мисю, та считала себя вправе вмешиваться, чтобы «магнетизм Пикассо не поглотил Коко». Шанель и через много лет злилась: «Защищать меня надо было от Мисиной любви. Она траву выжигает».

Дягилевская труппа всегда знала, что может найти приют и помощь у этой странной парижской портнихи. И не только труппа.

Шанель начала широко использовать в отделке своих моделей вышивку в русском стиле. В результате было открыто специальное ателье вышивки, руководила которым великая княгиня Мария Павловна-младшая, сестра великого князя Дмитрия Павловича. Работали в ателье русские аристократки, оставшиеся в Париже без средств к существованию. У них были замечательные руки и прекрасный вкус, введенная Шанель в моду русская вышивка позволила многим встать на ноги. Русские красавицы стали манекенщицами, если их фигура устраивала Мадемуазель, или продавщицами, поскольку обладали особым шармом и приветливостью. Секретарем Шанель стал бывший губернатор Крыма князь Кутузов, ее помощницами – две дочери князя, их семья тоже расположилась на вилле «Бель Респиро», которая превратилась в настоящую русскую колонию.

Великая княгиня Мария Павловна-младшая действительно если не бедствовала, то жила вместе со своим вторым мужем Сергеем Путятиным весьма скромно. Проживали последние с трудом вывезенные залитыми в парафин в бутылке из-под чернил семейные драгоценности. Муж работал в банке мелким клерком, пыталась подрабатывать шитьем и сама княгиня.

Однажды она оказалась свидетельницей разговора Шанель с поставщицей вышивок. Коко отказывалась брать работы за сумасшедшую цену, убеждая мастерицу, что в таком случае изделия станут столь дорогими, что их не будут покупать. Понимая, что Шанель сама вышивать не будет, мастерица стояла на своем. А ведь готовилась новая коллекция, в которой, по задумке Коко, вышивки должно быть немало.

И тут Мария Павловна рискнула:

– Если я вышью дешевле, вы отдадите заказ мне?

Великая княгиня прекрасно вышивала вручную, но для десятков моделей требовалась машинная вышивка, которой она не владела вовсе.

– Я научусь.

Что заставило Шанель согласиться на предложение совершенной неумехи в машинной вышивке великой княгини, неизвестно, но уже через пару дней Мария Павловна разыскала небольшую фабрику по производству вышивальных машин, купила такую себе и на этом основании ходила на курсы вышивки бесплатно. Француженки не слишком жаловали иностранку, частенько подстраивая ей всякие пакости. Все, как и сейчас: «Понаехали тут…» Княгиня порадовалась, что не сказала, кто она такая в действительности, просто представилась русской.

Великая княгиня, двоюродная сестра последнего российского императора, бывшая супруга наследника шведского престола, в рабочем халатике, кашляя от едкого запаха, орудовала здоровенным утюгом, чтобы удалить обильно пропитанную вонючим средством ткань-подложку для вышивки. Но научилась!

Она наняла на работу еще трех русских девушек, которых обучила уже сама, выполнила все заказы Шанель и после оглушительного успеха значительно расширила производство. Кстати, ее муж первые, с таким трудом заработанные женой крупные деньги умудрился вложить без ее ведома в совершенно безнадежное дело – и прогорел. Еще раз вложил теперь уже полученное от продажи последних семейных ценностей – роскошных изумрудов – и снова оказался обманут.

Княгиня все начала сначала. Ее бизнес-наставницей стала Коко, уже «схватившая» основы маркетинга. Так родилась фирма «Китмир», прославившаяся вышивками не только в Париже. Ее работы завоевали медаль на Всемирной выставке декоративного искусства в Париже в 1925 году. Забавно, что диплом был выписан на имя «господина Китмира». Устроители не подозревали, что это понравившееся Марии Павловне имя собаки из персидской сказки.

Коко учила и учила свою русскую подругу. Он заставила Марию Павловну сменить имидж, прислала к ней свою массажистку, помогла обновить гардероб, пользоваться космети-

кой… Однажды столь же решительно, как недавно себе, попросту отхватила Марии ножницами ее роскошные волосы:

– Прощайтесь со старой жизнью окончательно!

Для великой княгини, привыкшей к длинным волосам, ухаживать за которыми было трудно, а под платком работницы прическа и вовсе приходила в плачевный вид за пару часов, это действительно был серьезный поступок. Но новая подруга стояла на своем:

– Мари, вид беженки давно уже не вызывает сочувствия, напротив, отпугнет клиенток. Вы должны иметь процветающий вид, подтверждающий успех, чтобы ни у кого не возникло мысли, что за ваши изделия можно заплатить мало.

Чем не бизнес-курс? У Коко явно стоило поучиться даже многим современным дамам.

Конечно, сама Шанель тоже немало заработала, заодно помогая другим. Далеко не все русские бедствовали или искали работу в Париже, было немало и тех, кто успел до революции перевести огромные средства в иностранные банки и теперь жил в достатке. Такие дамы быстро стали клиентками ателье на рю Камбон, русская речь там звучала все чаще не только на рабочих местах, но и в примерочных, и в салоне.

А отношения Коко с Марией Павловной в конце концов испортились именно на деловой почве. Великая княгиня все расширяла и расширяла производство, набирая новых вышивальщиц. Стремление похвальное, однако для этого требовалось и увеличение заказов. Но Шанель не могла выпускать изделия только с вышивкой, великой княгине пришлось брать заказы у других кутюрье, прежде всего у конкурентов Мадемуазель.

Могло ли это понравиться Шанель? Конечно, нет. Она потребовала, чтобы Мария Павловна прекратила сотрудничество с конкурентами. Великая княгиня пойти на это не могла, слишком много она вложила в дело. Но не могла продолжать сотрудничать с ней и Шанель, проще отказаться от вышивок, которые вот-вот выйдут из моды. Мир бизнеса жесток. Шанель постаралась в своих новых моделях акцентировать внимание на другом, ей не до успехов великой княгини. Дружба разладилась…

Но произошло это нескоро, сначала было несколько лет весьма успешного сотрудничества, которое помогло великой княгине Марии Павловне основательно встать на ноги.

С русскими у Шанель даже случились два романа – один с Игорем Стравинским, второй с великим князем Дмитрием Павловичем, братом Марии. Второй состоялся безусловно, примерно год Шанель жила с великим князем, всюду разъезжая вместе с ним (наверное, на ее средства). А вот был ли первый?…

Роман с Игорем Стравинским – было или не было? Любовь за содержание или содержание за любовь

Был ли у Шанель роман с Игорем Стравинским?

О, да! – ответят одни. Ведь даже фильм такой есть, в котором Коко настоящая стервочка, Стравинский влюбленный идиот, готовый ползать у ее ног, весьма, кстати, симпатичный, в отличие от настоящего, а его жена Екатерина сущая амеба, обреченно наблюдающая за изменой мужа.

Ну уж нет! – возразят другие. Отбивать Стравинского у умирающей жены и четверых детей… это слишком!

Кто прав? Попробуем понять.

И верно, ради чего предоставлять свою виллу «Бель Респиро» в распоряжение семьи Стравинских и практически содержать их целых два года, а потом еще много лет помогать деньгами, если с супругой не дружила, детьми не интересовалась? Только роман, не иначе. Но…

Чтобы понять, было – не было, нужно попытаться сравнить этих двоих. Конечно, в сказках бывает всякое, но жизнь тем и отличается от сказки, что хоть и интереснее, но суровее.

Композитор Игорь Федорович Стравинский и его двоюродная сестра Екатерина Гавриловна Носенко обвенчались в 1906 году, это был брак по любви горячей и взаимной, причем с первого взгляда. Несмотря на очень слабое здоровье жены (Екатерина Гавриловна много лет страдала чахоткой), у них родились четверо детей – Федор, Людмила, Святослав и Милена.

Из-за болезни легких Екатерина не могла переносить сырые петербургские зимы, и с осени до весны семья уезжала в Швейцарию, в Кларан. В 1914 году Стравинские были вынуждены провести в Швейцарии и лето тоже, а вернуться не смогли, разразилась Первая мировая война, следом революция. В результате они потеряли все свое имущество в России и все русские деньги. Это не просто существенная, а катастрофическая потеря, потому что кормить нужно большую семью – кроме жены и четверых детей в Швейцарии собрались сестра Екатерины со своей семьей и мать самого Игоря, которую тот очень не любил.

Сам он поссорился с Дягилевым, потому что импресарио не платил за исполнение произведений Стравинского. Это стало возможным, когда советское правительство отказалось подписывать международные законы об авторском праве, нарождающейся новой России было пока не до них. В результате все опубликованные в России произведения, включая его знаменитую «Жар-птицу», оказалось возможно исполнять где угодно, ничего не платя автору. Вечно безденежный Дягилев этим немедленно воспользовался. Стравинский вынужден был сделать новые редакции произведений и обеспечить их авторским правом, но все равно потерял за это время очень много денег.

Когда отношения с Дягилевым были восстановлены и семья Стравинских перебралась в Париж, оказалось, что жить им практически не на что.

Вот тогда на помощь и пришла Шанель. Она пригласила Стравинских на свою виллу «Бель Респиро» в Гарше, где сама, имея хорошую квартиру и множество дел в Париже, появлялась далеко не каждый день. Два года семья жила на вилле на всем готовом, а самому композитору при этом выделялись деньги на организацию концертов.

В 1920 году Шанель исполнилось тридцать семь лет. Все, знавшие ее в тот период, вспоминали, что это была настоящая красавица, элегантная, умеющая подчеркнуть свою необычную внешность. Ее бизнес шел вполне успешно, Париж принял модный диктат Коко Шанель,

правда, «Шанель № 5» еще не существовало, но вслед за королевой моды дамы постриглись, признали черный цвет самым элегантным, открыли икры ног и сделали еще многое.

А вот в личной жизни у Шанель был мрак. Бой Кейпел погиб, она осталась одна. Конечно, Серты, особенно Мися, не давали скучать, к тому же Коко окунулась в богемную жизнь и познакомилась с замечательным Сергеем Дягилевым и его труппой, став для «Русского балета» тайным спонсором, но от одиночества это не спасало. Шанель не из тех женщин, кто может годами спокойно жить без мужчины, она не одиночка по природе, хотя очень замкнутая.

Возможно, поэтому приглашение на свою виллу Стравинских многими друзьями и знакомыми с обеих сторон было воспринято как свидетельство вспыхнувшей страсти.

Был ли влюблен Игорь Стравинский в блестящую красавицу, какой тогда являлась Шанель? Вполне возможно. Но отвечала ли взаимностью сама Коко? Что представлял Стравинский не столько как композитор (что для Шанель едва ли было определяющим, ее любовь к музыке осталась на уровне оперетты), сколько как человек и мужчина? К сожалению, гении далеко не всегда бывают приятными в повседневном общении и внешне тоже, чаще наоборот – гениальность компенсируется примечательно пакостным нравом. Яркий пример сама Шанель: она никогда не была легкой в общении, а со временем стала трудновыносимой, от Коко страдали все, кто работал со знаменитой кутюрье. Страдали, но прощали за гениальность.

У Стравинского приоритеты распределялись строго, он любил прежде всего свою музыку. Во-вторых, самого себя (свое здоровье). В-третьих, деньги. В-четвертых, выпивку. Причем все это гипертрофированно. И только потом располагались все остальные: жены (Екатерина и вторая – Вера), дети, родители, любовницы… часто вперемешку, меняясь местами.

Смыслом жизни Стравинского была музыка, но не вся вообще, а только его собственная, другой, во всяком случае современной, он просто не признавал! Если человек желал с ним дружить, то был обязан превратить музыку Стравинского в смысл своей жизни, иначе из списка друзей безжалостно вычеркивался. Когда у композитора спрашивали, какое свое произведение он рекомендовал бы, Стравинский коротко отвечал:

– Все!

Едва ли Шанель была готова принести такую жертву, стань Стравинский ее возлюбленным. Екатерина принесла, для нее существовали дети и Игорь с его музыкой, даже когда супруг откровенно забывал о больной жене и четверых детях. Например, когда Игорь уезжал на гастроли с Верой, ставшей его любовницей, жене приходилось писать любовнице письма с мольбой прислать денег для содержания семьи.

Но странностей хватало и без жертв. Ни приятным собеседником, ни галантным кавалером Стравинский не был, просто потому что для него существовал прежде всего (и много раз прежде!) он сам. Остальные прилагались только в степени полезности для его музыки и его здоровья. Или не существовали вовсе, если их не интересовало ни то, ни другое.

Сам композитор не напоминал ни стройного, спортивного Боя Кейпела, ни крепкого, несмотря на тяжелую болезнь, Дягилева, ни уж конечно красавца великого князя Дмитрия Павловича. Стравинский был невысокого роста, весьма тщедушен и вечно укутан в свитера, пальто, шарфы, поскольку страшно боялся простуды. Гениальные люди далеко не всегда отличаются приятной внешностью.

Собственное здоровье занимало его чуть меньше музыки, но даже больше денег. Безобидный прыщик на носу мог сорвать все, что угодно, вплоть до важнейшей встречи. Если в компании раздавался чей-то нечаянный чих, Стравинского словно ветром сдувало, позволить себе подхватить микроб он не мог. Игорь Федорович вел подробные медицинские дневники, записывая туда все лекарства, которые регулярно принимал, все симптомы нездоровья, если таковое случалось, а оно бывало постоянно.

Даже когда первая жена и мать его четверых детей Екатерина лежала при смерти, Стравинский писал ей длиннющие письма с… жалобами на свое здоровье!

Кроме простуды Стравинский боялся громкоголосых людей, любой неловкости и беспорядка. О! Порядок должен присутствовать во всем: все добро до самой мелочи обязано быть рассортировано и разложено по раз и навсегда определенным местам, все под контролем!

Добавьте жутчайшие приступы ипохондрии, и получится совсем непривлекательный портрет.

Рассердить Стравинского ничего не стоило, достаточно не вполне внимательно отнестись к любому его слову и тем более к его замечанию по поводу музыки. Это приводило композитора просто в бешенство, когда забывались все границы приличия.

В не меньшее неистовство Стравинского приводила даже простая мысль, что он может потерять хоть малую толику своих денег! Упоминание налогов вызывало приступ ярости. Что именно – вынужденное безденежье после Первой мировой войны и революции или собственный характер – породило откровенное скупердяйство, неизвестно, но, заметив, что марка на присланном письме случайно не задета почтовым штемпелем, он эту марку отклеивал и использовал заново на своем письме. Тяжелобольная Екатерина переписывала ноты его произведений, да и сам композитор тратил на это немало времени, только чтобы не платить переписчику. Любая отправляемая телеграмма сначала долго обдумывалась, чтобы в ней не оказалось ни единого лишнего слова (за него надо платить!)…

До революции Стравинский с удовольствием занимался… ростовщичеством! Нет, не вообще, он не сидел, как Гобсек или старуха-процентщица из «Преступления и наказания», принимая в заклад ценности, композитор одалживал деньгами (под весьма высокий процент) родственников. Забавный случай: закончив с утра пораньше партитуру знаменитой «Весны Священной», Стравинский отнюдь не кинулся праздновать столь важное событие и даже не устроил себе каникулы после трудной работы, он на целый день засел писать письма родственникам с требованием оплаты процентов по займу!

Стравинский предпочитал сам исполнять свои произведения на концертах или дирижировать ими по двум причинам: во-первых, все те же деньги (исполнители и дирижеры получают куда больше автора), во-вторых, слушая свою музыку в чужом исполнении, Игорь Федорович частенько впадал просто в ярость, считая, что ее портят. По этой же причине не ходил на концерты, не рискуя услышать кроме «негодного» исполнения своей музыки еще и чужую современную. А такого он вытерпеть не мог! Для Стравинского существовал только Стравинский.

И еще один грешок, помимо страшного эгоцентризма, значился за Игорем Федоровичем – он любил алкоголь, напиваясь иногда до безобразия. Особой страстью пылал к виски. «Меня надо называть Стрависки!» Похоже так, хотя в 1920 году он, наверное, сильно не пил, а может, и пил… Во всяком случае, когда труппа Дягилева праздновала очередную премьеру, напившийся Стравинский мог запросто прыгать через обруч или кидаться подушками в артистов…

Бывали с ним и забавные случаи, например, с Пабло Пикассо. Познакомились два гения еще во время Первой мировой войны в Риме. Пикассо, который тогда увлекался кубизмом, с восторгом нарисовал в соответствующей манере нового приятеля. Вышло вполне «кубически» – линии, закорючки, кружки, завитки… Итальянские таможенники кубизмом, в отличие от Пикассо, не увлекались, а потому строго поинтересовались:

– Что это, синьор?

– Мой портрет.

Портрет был конфискован и пропал втуне, поскольку поверить, что набор линий и закорючек изображает человеческое лицо, а не план какого-то стратегического сооружения (шла война), таможенники не могли. А Стравинский не сумел доказать, что портретное сходство, согласно новым веяниям в искусстве, вовсе не обязательно.

Пару раз, напившись, они с Пикассо нарушали общественное спокойствие уже в Париже и попадали в руки полицейских. Однажды за то, что пристроились… справлять нужду прямо

на угол ближайшего дома. Хорошо, что не успели отойти далеко от оперного театра: приведя туда двух нарушителей, полицейские быстро убедились, что те слишком знамениты, и ретировались.

Позже, уже в Америке, Стравинский попадал и в более некрасивые ситуации из-за выпивки. Однажды, напившись, проспал важную встречу с Марком Шагалом, который обиделся, и сотрудничество не состоялось. Но еще хуже получилось на специальном обеде, устроенном правительством США в его честь в Белом доме. На приеме присутствовал Джон Кеннеди, что, однако, не помешало Стравинскому привычно напиться, причем до такой степени, что добраться до туалета удалось только с помощью президента, после чего бесчувственного виновника торжества с позором (которого он из-за своего невменяемого состояния попросту не заметил) отправили домой.

И все равно его супруга (тогда уже Вера) вздохнула с облегчением, поскольку муж был не в состоянии затащить, как намеревался, президента в уголок и поинтересоваться, каким образом можно уклониться от уплаты налогов.

В этом весь Стравинский – гений, для которого существовал только он сам, его проблемы и его желания, невзирая на разных президентов!

Стравинский все же был и выглядел хилым занудой, день которого расписан по минутам. Например, поутру он ровно пятнадцать минут мылся, пятнадцать минут делал зарядку и пятнадцать минут брился.

Был не слишком приветлив, например, если к нему приходили без приглашения или согласования, мог открыть дверь и объявить, что его нет дома!

Конечно, гениальность многое искупает, но тогда рядом должны находиться люди, сознательно жертвующие собой. Была ли такой Коко Шанель? Не думаю… Резкости хватало и у нее, эгоцентризма тоже, самоуверенности с избытком.

Физически Шанель развита прекрасно, она любила спорт, хорошо играла в теннис, обожала псовую охоту, великолепно держалась в седле и даже десять лет спустя легко лазала по деревьям, была загорелой и стройной. Такая женщина, тем более богатая и уверенная в себе, конечно, понравилась Стравинскому. Но мог ли ее саму привлечь хилый, болезненный и думающий только о себе человек, пусть даже гениальный?

Если мог, то явно ненадолго, к самопожертвованию Шанель не способна. Во всяком случае, не настолько, чтобы отбить его у жены с четырьмя детьми и намереваться выйти замуж!

А как же слухи о замужестве, о том, что Стравинский страшно ревновал и был готов едва ли ни покончить с собой? Мне кажется, все это Мися. Помните, ее подруга обожала чужие проблемы и страдания, чувствуя себя в таком случае незаменимой, и очень старалась эти страдания продлить. Чем не развлечение – у Коко и Стравинского роман, он без памяти влюблен, готов бросить жену и детей, только если она скажет «да»!

Вообще-то если уж так припекло, то бросают и без положительного ответа. А тут какой-то расчет: вот если Коко готова выйти за него, то Игорь готов расстаться с больной Екатериной. Шанель не была готова. Расставания Стравинских не случилось.

Мися развила бурную деятельность, ее ничуть не устраивало просто дружеское отношение Шанель к Стравинскому: если тот выгуливает собак Мадемуазель, значит, это любовь! Собак Игорь Федорович и впрямь выгуливал, на вилле «Бель Респиро» у Коко жила замечательная «Большая Медведица» – Гелиос, Селена и пятеро их очаровательных щенков. Шанель никоим образом не заставляла возиться с ее собаками, для этого имелось достаточно прислуги, но Стравинским доставляло удовольствие возиться с занятными щенками. Такое обстоятельство Мисе показалось страшно подозрительным.

Плевать на то, что человек, которого она прочила в мужья подруге, откровенно некрасив – похож на насекомое или грызуна в своих круглых очках, с короткими усами и осно-

вательно поредевшими волосами на темени, что он обременен больной женой и четырьмя детьми! На «Бель Респиро» происходило нечто без ее ведома. Это было для Миси совершенно недопустимо, и она, решив, что пропустила начало романа, принялась с бешеной энергией организовывать… его продолжение. Никто не смог бы убедить Мисю, что романа нет, во всяком случае, взаимного.

Гениальный автор «Жар-птицы» и «Весны Священной» влюблен в ее подругу? Ах, какой пасса-а-аж! Требовалось немедленное выяснение отношений, разрыв с женой, развод, переживания больной Екатерины, сироток-детей, но главное – страсть между Стравинским и Шанель! В воздухе запахло большим скандалом, чужими страданиями и возможностью долго утешать всех подряд. Думается, что, случись такое, Мися временно оставила бы Коко в покое и бросилась утешать несчастную Екатерину Стравинскую.

Но Коко было наплевать на утешительницу, она не желала влюбляться и тем более выходить замуж за Стравинского! В своих воспоминаниях Мизия Серт целую главу посвятила Шанель, ведь они многое пережили рука об руку, много друг о дружке знали, рассказать было о чем. Прочитав написанное, Шанель была так возмущена, что потребовала немедленно выкинуть из рукописи любое упоминание о себе! Глава о Шанель была изъята, а на остальных страницах Коко упомянута просто как «моя лучшая» или «моя близкая» подруга.

И все же изъятый текст сохранился, биографы приводят из него отрывки, например, Анри Гидель. Якобы на мягкий укор Шанель Стравинскому о том, что у него больная жена, которой будет очень тяжело узнать о его страсти, Игорь Федорович ответил, что Екатерина все знает. Мол, кому еще он мог доверить столь великую тайну?!

Если это было так, то ответ только добавляет красок в портрет абсолютного эгоиста. Он вообще не думал о чувствах своей супруги и о том, что дети не так уж малы, чтобы не замечать происходящего. И впрямь, Федору было тринадцать, Людмиле двенадцать, Святославу десять, да и младшая шестилетняя Милена много что подмечала.

Они не расстались вообще, Игорь Федорович женился второй раз после смерти Екатерины, но на ком! Страдания по прекрасной Коко оказались не слишком долгими, уже через полгода у него новая любовница – актриса Вера де Боссе (она же Люрри, она же Шиллинг, она же Судейкина и в четвертом замужестве Стравинская). С Верой Судейкиной Стравинского познакомил Дягилев, видно, рассудив, что клин клином вышибают. Вышиб успешно, любовь к Шанель прошла, осталась только к деньгам.

Бросая смертельно больную (она, кстати, едва живая, протянула до 1939 года, успев похоронить сначала старшую дочь Людмилу, погибшую от того же туберкулеза) жену с детьми и без средств к существованию, Стравинский уезжал на гастроли с любовницей, в это время далеко не бедствуя.

А тогда Стравинскому была нужна не столько любовь Шанель, сколько ее средства. Директор концертного зала «Гаво» пригласил дать концерт, но для этого требовались финансовые гарантии, попросту некая сумма в качестве задатка, чтобы в случае непредвиденных обстоятельств зал не остался внакладе. Шанель такую сумму дала. О! Что было, когда о таком меценатстве узнала Мися! Подруга обладала редкостным даром затевать ссоры и раздувать любую мелочь до размеров вселенского скандала, муха по ее желанию превращалась не просто в слоника, а во взрослого мамонта-гиганта! Мися заламывала руки, сокрушаясь над погубленной честью Стравинского. Как же, взять у Шанель деньги… это прямой путь либо к гибели, либо… к женитьбе! Гибели не хотелось, оставалось жениться. Жена и дети? Так даже драматичней!

Мися раздувала и раздувала скандал, своим вмешательством, намеками и советами убеждая Стравинского, что тот влюблен без памяти, а Шанель просто ломается. Когда Игорь Федорович, уехав на гастроли в Испанию вместе с «Русским балетом», пригласил с собой в Барселону и Коко, та сначала необдуманно согласилась. Потом, видно, осознала, какой скандал

последует за этой поездкой (Мися своего не упустит), и отказалась, отправившись на новой машине в Монте-Карло с великим князем Дмитрием Павловичем.

Вообще-то она хотела заехать в Испанию и послушать Стравинского в Барселоне, но только после Монте-Карло. Мися опередила ее. Подруга отправила Стравинскому безобразную телеграмму:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.